

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIHK 897 ВЫПУСК Основаны в 1893.g.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС:
ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНЫ
И ВНЕШНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Труды по русской и славянской
филологии

Литературоведение

STUDIA RUSSICA HELSINGIENSIA
ET TARTUENSIA. II.

ТАРТУ 1990

ВРЕМЯ В РОМАНЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО "ЧТО ДЕЛАТЬ?"

П.С. Рейфман

Роман Чернышевского "Что делать? Из рассказов о новых людях", монологический, монофонический, вплоть до прямолинейности и схематизма, построен по сугубо рациональному, "толовному" принципу. Чернышевский в общем не художник, и он сам достаточно хорошо понимает это. Когда уже в "Предисловии", обращаясь к читателю (пока еще не "проницательному"), к "публике", он заявляет: "У меня нет ни тени художественного таланта", то здесь не только авторская скромность, завышенные требования к себе, ирония над писателями "художественного направления", "тургеневской школой", но и констатация реального факта, хотя бы отчасти понимаемого Чернышевским¹. Но автор "Что делать?" верит, что "истина — хорошая вещь", которая может извинить художественные "недостатки писателя" (14). К тому же Чернышевский знал (или считал, что знает), как пишутся романы, и строил, конструировал свое произведение на основе такого знания. В "Что делать?" можно обнаружить элементы детективного, просветительского, утопического романов. Многие проблемы, мотивы восприняты из предшествующей, современной, русской, зарубежной, литературной, философской, экономической и т.п. традиции², развиты, переосмыслены, часто полемически. В данном плане Чернышевский в чем-то напоминает Достоевского, с одним существенным отличием: степени художественного таланта. Тем не менее полученная конструкция оказывается довольно любопытной, не только по своему содержанию, но и по особенностям построения, структуре.

Сказанное вообще относится к беллетристическим произведениям Чернышевского. Так, например, "Повести в повести" построены на игре разных "точек зрения", вплоть до того, что стираются грани реально происходящего, что, однако, не превращается в полифонию, оставаясь своеобразной "игрой ума". "Точки зрения", своего рода "диалогичность" характерны и для "Что делать?" (автор, читатель, "проницательный читатель", разные персонажи с их оценкой происходящего и т.п.).

Для многих произведений Чернышевского весьма значима категория времени. Она — в основе замысла незавершенной трилогии: "Старина", "Пролог", "Утопия" или "Рассказы из Белого зала" (прошлое, настоящее, будущее). Действие каждой части

четко ориентировано во времени (1851-1853, 1857, 1862-1863 гг.). Временные переносы уже на другом уровне должны были широко использоваться в "Рассказах из Белого зала": события охватывали то "седую древность", войны самнитов и этрусков, то средние века, борьбу больших крестьян с баронами, то русскую и европейскую современность³.

Важное место категория времени занимает и в романе "Что делать?" Мотив времени появляется уже в подзаголовке: "Из рассказов о новых людях" (подчеркнуто мною - П.Р.). В дальнейшем фиксация внимания на времени происходит на всем протяжении романа, от первой страницы до последней. При этом временная последовательность в ходе повествования постоянно нарушается, фабула весьма существенно отличается от сюжета. Такое различие подчеркнуто декларировано в самом начале романа. Он начинается со середины, и в "Предисловии" автор специально обращает внимание читателей на употребленную "обыкновенную хитрость романистов": начинать "повесть эффектными сценами, вырванными из середины или конца ее" (12). Автор обещает впредь этого не делать, продолжать рассказ последовательно, "без всяких уловок" (13), вовсе не собираясь выполнять своего обещания.

Уже до начала первой главы идет игра временем, группируемым вокруг мнимого самоубийства Лопухова. Слова, открывающие роман - временное обозначение: "Поутру 11 июля 1856 года..." (7). Затем упоминается девятый час вечера 10-го июля, потом 8 утра 11-го июля, 10 часов того же утра. Записка вводит время "11 часов вечера" 10-го июля. В ней же говорится о событиях будущего времени относительно ее написания и одновременно прошедшего относительно утра следующего дня, когда происходит действие: "между двумя и тремя часами ночи" (7). Затем идет вновь утро 11-го июля, потом рассказ полицейского о происшедшем на Литейном мосту: "В половине третьего часа ночи..." (8). Опять утро 11-го июля в гостинице, вечер того же дня в полицейском участке. И вся эта смена времен, движение "туда - сюда" дается на протяжении менее двух страниц, причем такой способ изображения не случаен. Он неоднократно встречается в "Что делать?".

Игра длится в следующем разделе, "Первое следствие дурацкого дела". Ведется как бы почасовой хронометраж: "В то же самое утро, часу в двенадцатом" на Каменноостровскую дачу приносят письмо; примерно через час происходит объяснение "молодой дамы" и "молодого человека", живущих на даче:

"Через час войди опять..."; разговаривают о том, что завтра, т.е. 12-го июля, дама уезжает в Москву, а оттуда в провинцию (9, II). Позднее этот хронометраж событий II-12-го июля будет продолжен. Пока же, в разделе третьем, "Предисловие", появляются автор и авторское время, до поры не уточненное. Здесь же речь идет о времени развязки, будущем относительно событий июля 1856 г. и прошедшем относительно авторского времени: "дело кончится весело, с бокалами, песнью" (13).

Роман "Что делать?" построен в высшей степени симметрично. Основное действие разворачивается в пяти главах. Первая из них предваряется вступлением из трех нумерованных и названных разделов; после пятой помещена рудиментарная шестая глава "Перемена декораций", занимающая менее одной страницы и не имеющая прямого отношения к сюжету. Центральная глава — третья, самая важная и большая (119 стр.). Ее обрамляют с одной стороны первая и вторая (30, 67 стр.), с другой — четвертая и пятая (63, 47 стр.). Главы разбиты на пронумерованные разделы (1-я — IX, 2-я — XLV, 3-я — XXXI, 4-я — XLIII, 5-я — XXIII). Разделы, как правило, обозначаются только цифрой, но некоторые, несущие особую смысловую нагрузку, имеют и название ("Гамлетовское испытание", "Рассказ Кржковой", "Особенный человек", сны Веры Павловны). Таких названных разделов нет в первой и пятой главах, во второй и четвертой их по три, в третьей — пять. Образуется как бы математически выверенная пирамида, вершиной которой является третья глава.

Пятикратное повторение вообще характерно для романа. Кроме перечисленных выше случаев (пять основных глав, пять названных разделов в центральной главе), пять раз говорится, что "самоубийство" Лопухова слишком сложный вариант, что можно было действовать "проще"; пять раз возвращается Чернышевский к центральному эпизоду — второй любви Веры Павловны (в начале романа, в третьей главе, в четвертой главе: в письме отставного медицинского студента, а затем в ответе ему Веры Павловны и, наконец, в воспоминаниях ее во время отдыха на своей мягкой кушетке).

Три свадьбы романа тоже расположены симметрично, образуя своеобразный равнобедренный треугольник: от первой свадьбы до второй проходит четыре года, от второй до третьей — тоже четыре. Здесь, правда, симметрия несколько нарушается: если бы она была идеальной, третья свадьба должна была бы описываться в четвертой, а не в пятой главе. Не совсем симметричны вступление и шестая глава, но это не нарушает общей

математической выверенности построения.

Склонность к математике, к "арифметике" (Достоевский) — характерная особенность Чернышевского, считающего возможным подвести многообразие окружающего мира под всеобъемлющую формулу. Временные параметры в романе "Что делать?" выверены также с арифметической точностью, вплоть до деталей. Чернышевский любит нумеровать. Везде проставлены номера глав, разделов. Четвертый сон Веры Павловны состоит из II пронумерованных отрывков. Упоминания о том, сколько прошло часов, дней, недель, месяцев, лет постоянно встречаются на всем протяжении романа.

Можно составить довольно подробные биографии героев, с указанием точных дат их жизни. Лопухов, например, родился в 1830-м году. В 1845 г., учась в гимназии, дает уроки. В медицинскую академию он поступает где-то в 17 лет, т.е. около 1847 года. Первые два года бедствует, голодает, "года три, даже меньше"; потом дела его "стали поправляться", "вот уже два года перестал нуждаться", т.е. где-то к 1850-му году. Примерно к этому времени относится история его любви к заезжей танцовщице: "Но это было давно, года три назад", т.е. около 1849 года; "теперь, года два уж, он бросил всякие шалости". Знакомство его с Верой Павловной происходит весной 1852 г. "Самоубийство" — II июля 1856 г. Вторая свадьба в 1860 г. (49-51, 15, 7, 291 и др.).

Можно проследить и даты жизни Веры Павловны. Она на четыре года моложе Лопухова, родилась в марте 1834 года⁴. Время ее детства в романе намечено пунктирно: "когда ей было восемь лет...", "когда ей было девять лет...", "Когда Верочке было десять лет...", "Когда Верочке было двенадцать лет...", "Когда ей был четырнадцатый год...", "Когда Верочке подошел шестнадцатый год...", "Когда Верочке исполнилось шестнадцать лет...", "Через полгода..." (16-17). Затем довольно подробно, на отдельных временных отрезках, вплоть до дней, излагаются события ее биографии конца 1851 — начала 1852 гг. Затем вновь пунктирно, с пропусками, с остановками на некоторых эпизодах, с возвращениями к прошлому, повествуется о событиях 1852 — осени 1855 гг., и опять подробно, с многократным переносом рассказа "туда — обратно", сообщается о происшедшем с осени 1855 по лето 1856 гг.

Ориентированы во времени и второстепенные персонажи. Так, например, Марии Алексеевне в 1855 г. около 45 лет, т.е. она родилась примерно в 1807 г. В первую половину 1830-х гг.

она становится любовницей кого-то из "начальства", помогая мужу сделать "карьеру", рождает Наденьку, которую отдают в воспитательный дом. До этого она была "честная", а в 1837 г., когда положено начало ее благосостоянию, уже "не честная". В 1834 г. она родила Верочку, а в 1843 г. — Федю.

Довольно подробно, с датами, можно было бы рассказать биографию Полозова, его дочери Кати, Насти Крюковой. Во времени ориентированы даже не существующие или не осуществившиеся биографии: Бьюмонта, Веры Павловны, если бы ее мать была добрая (127).

На всем протяжении романа читатель неоднократно переносится из одного времени в другое, то в прошлое, то в будущее. Игра временем на протяжении двух дней (10—11 июля), которая дана во вступлении и о которой уже говорилось, продолжается и далее. В первой главе сообщается о событиях 1852 г., но сразу же вторгается время авторского повествования: "Теперь этот дом отмечен <...> номером", "дом и тогда был, как теперь, большой", "как и теперь живет", "и теперь осталось, как тогда было", "Михаил Иванович теперь видный офицер и тогда был видный и красивый офицер" (15). При этом "настоящее" 1852 г. является "прошлым" не только к авторскому времени, но и к событиям вступления, происходящим в 1856 г. Вторгается и далекое прошлое, факты биографии Марии Алексеевны, ее мужа, Ивана Захарыча Сторешникова: "лет пятнадцать тому назад", "в четырнадцать лет управления", "умер еще в 1837 году" (15). Затем идет еще более далекое, когда Мария Алексеевна "была честная", а ее муж "еще не был управляющим", когда "Наденька родилась" (21).

В романе есть разные уровни соотношения времен: прошедшего, настоящего, будущего. Один из них связан с конкретными датами. Здесь "прошлое" обозначает 1852, 1856, 1860-й годы. "Теперь", оно же "авторское время" — весна 1863-го года, "будущее" — весна-лето 1865 г., время действия главы "Перемена декораций". Следует помнить, что каждое из названных времен превращается на протяжении романа из одного в другое: прошедшее в будущее, будущее в настоящее и т.п.

Существует и другой уровень настоящего, прошлого, будущего. На нем "теперь" имеет гораздо более широкие рамки. Это время появления "новых людей", охватывающее период всего действия романа. Прошлое в данном случае — время до появления "новых людей", "в прежние времена", когда отличные юноши превращались "в хороших людей, живущих на земле тоже

только затем, чтобы коптить небо" (имеются в виду "лишние люди" — П.Р.), когда "порядочных людей было слишком мало" (46). Будущее — "идиллия", "золотой век", время, когда "все люди будут порядочные люди", когда "добрые будут сильны" и "злые станут добрыми", содержание четвертого сна Веры Павловны (47, I29, 275—290).

Значительное внимание Чернышевский уделяет движению времени, непрерывно фиксируя его в романе. Мы уже показывали это, говоря, как описывается детство Верочки. Можно было бы привести множество других примеров: "Через два дня....", "через два урока...", "следующее же утро...", "через два дня...", "на другой день...", "дня через четыре...", "через неделю...", "прошло три месяца...", "два месяца...", "еще два месяца", "месяцев через пять...", "уже больше двух лет ..." и т.п. (5I, 6I, 63, 75, 76, II8, I20, I2I, II5, II6, I27, I46). Описание событий как бы уподобляется движению кадров в кинематографе, то более быстрому, то замедленному, с остановками, когда внимание зрителей фиксируется на "выхваченном" эпизоде, с крупным и мелким планом. Время оказывается пружиной этого движения.

Многократно возвращаясь в разных местах романа к одним и тем же событиям, автор отлично помнит их датировку, никогда не сбивается. Помнит до мелочей, как бы заранее, с календарем в руках, все подсчитав и разметив. Не ставя перед собой задачи проанализировать это многообразие, мы проследим подробно фиксацию времени лишь в двух эпизодах, имеющих важное значение в развитии сюжета и в выяснении авторской позиции. Один из них — брак Лопухова и Веры Павловны, другой — вторая любовь и брак Веры Павловны с Кирсановым. Временные рамки первого эпизода узки. Продолжительность его около двух недель, с конца апреля по 10 мая 1852 г. Второй — значительно длиннее. Он охватывает около года, с осени 1855 по осень 1856 гг.

Известно, что Лопухов не сразу предлагает женитьбу как средство освобождения Веры Павловны от семейного деспотизма. Сперва он собирается устроить ее судьбу, не нанося ущерба собственным планам. Он ищет для нее место гувернантки, пытается поселить у г-жи Б. Какие-то смутные мысли о совместной жизни, видимо, бродят в его голове, но связываются они лишь с отдаленным будущим: "Как отлично устроится, если это будет так <...> через два, много через два с половиною года я буду иметь кафедру. Тогда можно будет жить"

(82). Мы уже когда-то упоминали, что подобные планы как-то перекликаются с рассуждениями Серебрякова, персонажа ранней незаконченной повести Чернышевского "Теория и практика", а также с размышлениями самого Чернышевского об его обязательствах перед женой друга, Лободовского, если тот умрет⁵.

Поиски Лопуховым места гувернантки продолжаютя три-четыре недели. В данном случае время в романе точно не отмечается, но автор постоянно упоминает об его движении и очерчивает общие рамки временного отрезка: от дня рождения Веры Павловны где-то во второй половине марта до 27-28 апреля. После этого начинается новый, точный отсчет: "Суббота", <27 апреля>⁶ - Лопухов говорит Вере Павловне о своей встрече, назначенной на следующий день, с г-жой Б.; <в воскресенье >, "28 апреля" происходит эта встреча, позже встреча Лопухова с Верой Павловной на Конногвардейском бульваре, а затем объяснение с нею в ее комнате: от первоначального варианта, поисков места гувернантки, приходится отказаться, Лопухов предлагает мнимое замужество; но и в новом варианте он не собирается особенно торопиться, надеется, что сможет окончить академию и стать врачом: "Теперь уже конец апреля. В начале июля кончатся мои работы по Академии <...> Только три месяца потери еще, даже меньше" (78, 99, 92). Вера Павловна, мечтающая скорее покинуть "подвал", в тот же вечер, с точностью до дня, подсчитывает возможный срок своего освобождения, назначенный ею ориентировочно на 10 июля: "в апреле остается два дня; май 31 да 2, 33; июнь 30 да 33,63; из июля 10 дней, - всего только 73 дня" (99). "В понедельник", <29 апреля> Лопухов сообщает, что будет свободен уже к 7 июля, и Вера Павловна сразу же вносит исправление в свой "календарь": не 72 дня осталось ждать, а "только 69 дней" (100); "В четверг", < 2 мая > - "только 66 дней мне здесь сидеть" (100); "Суббота", <4 мая > - "еще 64 дня осталось" (100); "Вторник", <7 мая> - ожидание начинает казаться Вере Павловне невыносимым: "я уж и дни считать перестала" (101). Но к этому дню Лопуховым запущен другой счет времени, о котором Вера Павловна пока не знает: "завтра, когда тебе будет удобнее", <т.е. в среду, 8 мая> назначается вторая встреча на скамейке Конногвардейского бульвара (даже час указан: II часов); в этот день и происходит свадьба, которая вначале не описана; затем идет сцена: "Пятница", <10 мая>, на Садовой, недалеко от Невского проспекта - Вера Павловна оставляет маменьку, крикнув ей на прощание, что

едет к мужу, с которым "третьего дня повенчались" (I01). Таким образом, события от провала попыток устройства Веры Павловны гувернанткой до ее свадьбы происходят в течение 10 дней, точно отмеченных и сосчитанных, с выдержанным соответствием чисел и дней недели (с воскресенья, 28 апреля по среду, 8 мая).

Но и этого Чернышевскому недостаточно. Сообщив о происшедшем, в основном, с точки зрения Веры Павловны, автор, возвращая читателя к прошлому, рассказывает о предсвадебных днях во второй раз, главным образом, с точки зрения Лопухова, причем датировка первого и второго рассказов полностью совпадает: "два дня после разговора <...> Верочка радовалась", <т.е. до вторника, 30 апреля> (I02); "на третий день" "подвал" стал казаться ей "вдвое несноснее" - <среда, 1 мая> (I02); "на четвертый день она уж поплакала" - <четверг, 2 мая>; "на пятый побольше, на шестой <...> не могла заснуть от тоски" - <пятница, суббота, 3, 4 мая> (I02); "Лопухов посмотрел <...> произнес монолог "гм, гм! да! гм!" и в 10 часов вечера того же дня начал действовать: он отправился к Мерцалову и договорился с ним о венчании; "В понедельник поутру", <6 мая> происходит разговор с Кирсановым и начинаются поиски квартиры; "Во вторник", <7 мая> бумаги о выходе из академии получены, Лопухов сообщает Мерцалову, "что свадьба завтра"; "в среду", <8 мая> - венчание; "На другой день, после четырехдневных поисков" - <в четверг, 9 мая> найдена квартира (искали ее с 6 по 9, как раз четыре дня); в тот же день Лопухов говорит Вере Павловне: "Завтра переезжай", <т.е. в пятницу, 10 мая> (I02-I06).

Движение событий во времени, хронометрируемых в рамках отрезка 28 апреля - 10 мая с такой точностью и "прокрученных" дважды, раскрывает и некоторые аспекты этической концепции Чернышевского. Дело в том, что герои романа, действия которых автор одобряет, в анализируемом эпизоде легко нарушают не только определенные нравственные принципы, но и статьи уголовного законодательства: перед венчанием требовалось троекратное оглашение в церкви в три предшествующих свадьбе воскресенья; все, знающие о фактах, препятствующих бракосочетанию, обязаны были сообщить о них священнику; свидетели, удостоверяя, что причин, мешающих венчанию, нет, несли ответственность за ложные показания; священник, совершивший "противузаконное" венчание, приговаривался к наказанию по церковным правилам, мог быть "извержен из сана". Наруша-

лись и статьи, запрещающие бракосочетание без согласия родителей: "За вступление в брак явно или тайно против решительного запрещения родителей, или без испрошения согласия их, виновные, по принесенной на сие родителями жалобе, подвергаются наказаниям, определенным выше сего в статье 2040; в последней же речь шла о том, что "похититель" приговаривается к тюремному заключению на срок от 6 месяцев до года, а "похищенная" на то же время заточается в монастырь или обязана вести "уединенную жизнь" в доме родителей⁷.

Организуя свадьбу за 5 дней, считая дни принятия решения и венчания, не получив согласия родителей, Лопухов, Вера Павловна, Мерцалов, его жена и Кирсанов, выступавшие в роли свидетелей, совершали преступление, караемое законом. Не случайно Лопухов, обращаясь с просьбой к Мерцалову, говорит, что есть "очень серьезный риск", "очень большой риск", понимая, что он убеждает священника, чтобы он "за нас клал шею в петлю" (103); поэтому колеблется Мерцалов, прежде, чем согласиться, и в начале венчания "голос его несколько задрожал, - а если начнется дело?" (105).

Весьма любопытно проследить и расположение событий во времени, относящихся к другому интересующему нас эпизоду: второй любви Веры Павловны, "самоубийству" Лопухова, второму замужеству. Движение времени передается здесь иначе, чем в эпизоде, анализируемом выше: смещается последовательность происходящего; его суть, временную связь событий оказывается возможным восстановить лишь суммируя всю их совокупность; изображаются они вперемешку, с нарушением их реально-временного движения, с забеганием вперед и возвращением назад.

Начинается интересующий нас эпизод с лета 1855 г., с поездки на Острова, состоявшейся 15 августа, как узнает позднее читатель из дневника третьего сна Веры Павловны (142, 173). Но уже значительно ранее, во вступлении, автор знакомит нас с центральной сценой эпизода, с "самоубийством" Лопухова, с событиями 11 июля 1856 г.

Через два дня после прогулки Лопухов заболевает, о чем говорится дважды: в ходе повествования и в дневнике третьего сна (144, 173). В тот же день, "17 августа", Вера Павловна вызывает Кирсанова (173); "через четыре дня", 20 - 21 августа, Лопухов выздоравливает (146). Сообщив об этом, Чернышевский возвращается к прошлому, говорит читателю, что Кирсанов "больше двух лет почти вовсе не бывал у Лопуховых" (146). Затем, рассказав о биографии Кирсанова, о зарождающемся типе "новых людей" и о прочем, автор

упоминает события конца 1852 г., первоначальные частые посещения Кирсановым семейства Лопуховых ("так продолжалось с полгода"), прекращение посещений "около трех лет назад" (151, 154).

Читатель вновь переносится к событиям осени 1855 г. Встреча Кирсанова с его бывшей возлюбленной, Настей Крюковой, происшедшая "через неделю по окончании леченья Дмитрия Сергеевича" (155), т.е. в конце августа, несколько задерживает развитие действия. Читатель опять возвращается в прошлое. Дается довольно четко очерченная во времени история отношений Кирсанова и Насти Крюковой, намечаются вехи ее жизни от конца 1848 – начала 1849-го по осень 1855-го гг. (156, 159, 162, 163).

Затем следует возвращение к "времени Кирсанова". Проходит четыре месяца после встречи с Крюковой и три после ее смерти, когда Вера Павловна "старалась развлекать его" "от грусти по Крюковой", а "он поддавался этому", "ее заботливости" (165), т.е. сентябрь – декабрь 1855 г. Потом Кирсанов вновь пытается удалиться, постепенно сокращая количество посещений: "Так прошел месяц", "проходит неделя, две", "Проходит месяц", "Проходит два дня", "еще два-три дня" (170, 177, 178, 179). В конце-концов Лопухов начинает понимать, в чем дело, отправляется к Кирсанову и заставляет того возобновить визиты.

Все "маневры" Кирсанова занимают примерно два с половиной месяца, полтора из них он почти уже не бывает у Лопуховых, с момента же встречи в мастерской с Настей Крюковой проходит шесть с половиной месяцев. Заботы о Насте, грусть о ней, вызванные этим обстоятельства используются в качестве объяснения, предназначенного для Веры Павловны: "месяцев пять он был отвлечен от занятий и запустил много работы – потому месяца полтора приходилось ему сидеть над нею, не разгибая спины" (189–190). Посещения возобновляются где-то в середине марта 1856 г. Они длятся до конца апреля. За этот промежуток времени Лопухов предлагает поселиться всем на общей квартире, что с негодованием отвергается Верой Павловной. Героиня романа после третьего сна все яснее убеждается, что любит Кирсанова; "Через две недели" (196) она в письме сообщает Лопухову о своей любви и тот на следующий день уезжает в Рязань: "Это было в конце апреля. В половине июня Лопухов возвратился; пожил недели три в Петербурге, потом поехал в Москву, по заводским делам, как сказал. 9 июля он

уехал, а 11 июля поутру произошло недоумение в гостинице <...> а часа через два потом сцена на Каменноостровской даче" (199-200).

Уже здесь мельком сообщается, что Вера Павловна хочет ехать вместе с Лопуховым, но он не соглашается, просит подождать его письма. Упоминается и о том, что возвращение Лопухова как-то зависит от Веры Павловны: "Когда мне воротиться, ты напиши" (199).

Далее следует рассказ о событиях 11 июля, о времени после ухода с Каменноостровской дачи "молодого человека" (Кирсанова). Начальные сцены, открывающие роман, как бы вставляются на свое место, восстанавливая последовательность временного движения: "Часа через три после того, как ушел Кирсанов" Маша, отправленная Верой Павловной по разным делам, встречает у ворот Рахметова, "уже с полчаса" бродившего около дачи (200). Он проходит к Вере Павловне, предлагает свои услуги, а затем отправляется в кабинет, где проводит наедине остаток дня. Течение времени снова прерывается довольно длинным рассказом о жизни Рахметова, занимающим большую часть раздела "Особенный человек". Потом читатель снова возвращается к событиям 11 июля: просидев в кабинете где-то с трех-четырёх часов дня до позднего вечера, Рахметов выходит оттуда и сообщает Вере Павловне, что же произошло на самом деле с Лопуховым. Беседа длится долго: "уж первый час", "вот уже три часа" (220, 227). На мгновение вновь возникает более раннее время, ночь с 10 на 11 июля, когда произошло "самоубийство": записка Лопухова, которую передает Рахметов, начинается словами: "11 июля, 2 часа ночи" (224).

Далее становится известным, что ждал ночи Рахметов не случайно, что все посетители должны были увидеть непритворное горе Веры Павловны; завтра же, т.е. 12 июля, Маша должна разбудить ее в половине одиннадцатого, и она должна уехать, как и собиралась, из Петербурга, о чем говорилось в начале романа (227-228). На этом последовательное изложение событий вновь прерывается, глава заканчивается разделом "Беседа с проникательным читателем и изгнание его", не имеющим непосредственного отношения к сюжету.

Внимательный читатель мог бы заметить, что Чернышевский, столь точно фиксирующий время, опускает в третьей главе очень существенный временной отрезок: период с конца апреля, с отъезда Лопухова в Рязань до его "самоубийства" в июле. В начале XXIII раздела лишь кратко упоминаются кое-какие харак-

терные вехи: отъезд, возвращение, вновь отъезд, "самоубийство" (199). И только позднее, еще трижды возвращаясь к этому отрезку, по сути дела центральному, читатель сможет до конца понять, что же и как произошло.

Такое понимание постепенно появляется при чтении четвертой главы. В ней повествуется о событиях более поздних и называется она "Второе замужество", но автор неоднократно возвращается здесь к прошедшему, к периоду конца апреля — II июля.

Глава начинается с письма "отставного медицинского студента"; адресованного Вере Павловне и тоже ориентированного во времени: "Берлин, 20 июля 1856" (234). Объясняя в этом письме причины своего "самоубийства", Лопухов уточняет некоторые детали, относящиеся к интересующему нас периоду: "Я уехал в Рязань. Через несколько времени она вызвала меня, говоря, что мое присутствие уже не будет мешать ей. Я увидел, что оно все-таки мешает" (241). Цитируемые слова, возвращая читателя к событиям апреля — июля, проясняют, что Лопухов возвратился в Петербург по письму Веры Павловны, о чем уже говорилось прежде, но не очень внятно (199). Они позволяют понять и другое: при возвращении Лопухова и он и Вера Павловна надеялись на возможность дальнейшей жизни без каких-либо экстраординарных действий, с сохранением дружеской, но не какой-нибудь иной связи: "мне хотелось оставаться человеком, очень близким к ней. Я надеялся, что это так и будет. И когда я увидел, что этого не должно быть, мне было очень, очень прискорбно" (241). Наивно думать, что Лопухов рассчитывает на восстановление супружеских отношений. Он знает, что Кирсанов и Вера Павловна любят друг-друга, сам содействует их сближению, за время его отсутствия ничего не произошло, что свидетельствовало бы о перемене чувств его жены. Но возможность формального, фиктивного брака сохранялась, и именно на такую возможность, видимо, ориентировались все трое. Кстати, здесь вновь намечалась симметрия: фиктивный брак — реальный — фиктивный.

Из письма "медицинского студента" читатель также узнает, что Лопухов уехал за границу 12 июля, "на другой день после того, как вы узнали о гибели Дмитрия Сергеевича" (242).

Ответное письмо Веры Павловны, датированное: Петербург, 25 августа 1856 г." (243), вводит новые факты, проясняющие ситуацию. Вера Павловна, признавая с оговорками в конечном итоге доводы Лопухова, считает все-таки, что его "самоубийст-

во" было не столь уж необходимо. Она допускает другой возможный вариант. Такой вариант предлагал некогда сам Лопухов, говоря об общей квартире (194). Его же имел в виду Рахметов, утверждая, что поведение Лопухова - "глупая мелодрама", а происшедшее - "чистый вздор, из-за которого не стоит выпить лишней стакан чаю" (227). Подобного же мнения придерживается и автор, соглашаясь с "проницательным читателем", что он еще безнравственнее", говоря, что изображенное им "слишком еще мудрено, восторженно; жизнь гораздо проще" (249).

Недавно Вера Павловна отвергала такой вариант, теперь же она считает иначе: "было бы гораздо легче для всех, если бы я смотрела на дело проще <...> тогда ему вовсе не было бы надобности прибегать к эффектной и очень тяжелой для него развязке <...> Если муж живет вместе с женою, этого довольно, чтобы общество не делало скандала жене, в каких бы отношениях ни была она к другому <...> Теперь я нахожу, что это самый лучший и легкий для всех способ устраивать дела, подобные нашему. Дмитрий Сергеич прежде мне предлагал этот способ. Я тогда отвергла его по своей экзальтированности (245-246).

Тем не менее, когда Лопухов возвращается из Рязани, все трое думают, что осуществим именно спокойный вариант. Лишь в последние дни перед "самоубийством" Вера Павловна начинает ощущать, что Лопухов задумал "что-то особенное" (247). Известие о смерти мужа потрясло ее, помимо прочего, так сильно оттого, что, строя по-новому свою жизнь, она вовсе не была подготовлена к страшной развязке. Уже в июне, в июле, а не только в августе, когда писалось письмо, Вера Павловна примирилась с более "простым" вариантом.

Потрясенная неожиданным известием, Вера Павловна проводит "мучительный день", ощущает свою вину, привязанность к погибшему, а затем, после разговора с Рахметовым, чтения записки Лопухова, "детский восторг", "совершенно изменивший мои мысли" (248). 12 июля, как уже знает читатель, Вера Павловна уезжает из Петербурга, но нет нужды ей ехать до Москвы; она останавливается в Новгороде; через несколько дней туда приезжает Кирсанов с бумагами о гибели Лопухова; "мы повенчались через неделю после этой гибели (где-то 18-19 июля - П.Р.) и прожили с месяц на железной дороге, в Чудово", возвратившись в конце августа в Петербург (248).

Последние недостающие детали истории второй любви Веры Павловны читатель узнает из ее воспоминаний; "уже больше

полгода прошло со времени второго замужества" (конец 1856 — начало 1857 г.); Кирсанова "отдыхает на своей мягкой кушетке" (250, 249); ей вспоминаются события конца апреля 1856 г., описанные ранее, в XXV и XXVI разделах третьей главы. Чернышевский почти буквально повторяет реплики героев, приведенные уже ранее, как бы соединяя разорванные отрезки прошлого: "Милый мой, я поеду с тобой <...> Да ведь у тебя не приготовлены вещи <...> Собирайся, если хочешь <...> Только я тебя просил бы вот о чем: подожди моего письма. Оно придет завтра же" — это из третьей главы; "Миленький! я еду с тобой! — Да ведь с тобой нет твоих вещей. — Миленький мой, завтра же поеду вслед за тобой <...> — Подумай. Посмотри. Подожди моего письма. Оно будет завтра же" — это из четвертой (199, 250-251).

В воспоминаниях всплывают несколько дней после отъезда Лопухова в Рязань, о которых в романе до сих пор не говорилось. Прошедшее дается крупным планом, вплоть до деталей. Чернышевский пытается в данном случае воссоздать не только временной ход внешних событий, но и внутренний мир Веры Павловны, в его движении, в изменении мыслей, чувств. Мы полагаем, что стремление к такому воссозданию в какой-то степени отразило и воздействие Толстого. В 1856 г. Чернышевский печатает в "Современнике" статью о произведениях Толстого ("Детство и отрочество", "Военные рассказы"), которые очень понравились критику. Особенностью таланта Толстого, ценной и редко встречаемой, Чернышевский объявляет изображение "диалектики души", не "результатов психического процесса", а самого процесса, "таинственных движений психической жизни"⁸.

Нечто подобное автор "Что делать?" пытается, видимо, повторить в своем романе, стремясь проследить буквально по часам процесс движения и смены дум, настроений Веры Павловны: "Это думается час, это думается два, это думается три, четыре часа", "Она поедет. Да, она поедет" (251). Но уже здесь вспоминается о письме, обещанном Лопуховым, появляются колебания: ехать или не ехать до получения этого письма. Однако, основной мотив: "К чему же отлагать? Она поедет" (251). "И опять думается час, два: "Я поеду. Да, завтра же поеду. Только дождусь письма, потому что он просил об этом"" (251). Акценты чуть-чуть меняются, но решимость ехать пока остается, хотя Вера Павловна уже догадывается, что в письме окажется нечто, делающее ее поездку невозможной. И снова фиксация хода времени, с еще более измененным акцентом: "Это ду-

мается час, и два; да, час думается это; но два, думается ли это? Нет, хоть и думается все это же, но думается еще четыре слова <...> "он не хочет этого", и все больше и больше думаются эти четыре маленькие слова, и вот уже солнце заходит, а все думается прежнее и эти четыре маленькие слова; и вдруг перед самым тем временем, когда опять входит неотвязная Маша <...> вырастают пять других маленьких слов: "и мне не хочется этого"; "И думается это полчаса", а затем новые слова "начинают переделывать" "самые главные прежнее слова": из слов "я поеду" вырастают три слова: "Поеду ли я?" (251-252).

Приносят письмо Лопухова, исключающее поездку. Следует мгновенный перенос из прошлого в настоящее, а затем опять в прошлое: "Она почти слово в слово помнит это письмо" (252). Процесс продолжается. Прежние слова: "я должна ехать к нему" превращаются в другие: "все-таки я не должна видаться с ним", и этот "он" "уже не тот, о котором думалось прежде" (252).

Снова фиксируется движение времени: "и думается час, и думается два". Слова непрерывно меняются: "неужели я захочу увидаться с ним? - нет", "неужели же я увижусь с ним?", "неужели ж я не увижусь с ним?". И именно с последними словами "она засыпает на заре" (253).

На следующий день, "поздно поутру" в сознании Веры Павловны продолжается борьба слов: "не увижусь" - "увижусь", "и так идет все утро" (253). Затем появляются слова: "нет возврата", волосы приглажены, шляпа надета, и героиня отправляется к Кирсанову. Ход времени и ход раздумий продолжают фиксироваться. Ожидая Кирсанова, Вера Павловна "думает час, думает два": "начинается новая жизнь" (253). Приходит Кирсанов. И в рассказе ему вновь возвращение к прошлому, сперва к вчерашнему дню: "на другой день, вчера, он уж уехал", затем к последним двум неделям (254). Здесь речь идет как бы о предпрошлом, потому что сами воспоминания Веры Павловны - прошлое. Следует опять переход в настоящее: "припоминая все это, Вера Павловна смеется и теперь" (254). И снова прошлое воспоминаний: студенты уводят Кирсанова; "Долго ждет она вечером: вот и десять часов <...> вот и одиннадцать <...> Он приехал на другое утро в девять часов, он до четырех часов оставался в госпитале" (255). Вера Павловна отправляет его спать до обеда, который идет "уже как следует" (255). Потом стоит многоточие и последняя фраза пятого раздела: "Через полторы недели нанята маленькая дача на Каменном острове, и они поселяются в ней" (256), в той самой даче, которая изо-

бражена в начале романа. От отъезда Лопухова в Рязань, от намерения Веры Павловны ехать к нему до того момента, когда она становится возлюбленной Кирсанова проходит примерно двое суток. Более поздние события читатель уже знает из третьей главы: возвращение Лопухова где-то через полтора месяца, по письму Веры Павловны, жизнь его в Петербурге до 9 июля, мнимый отъезд в Москву, "самоубийство" (199). Все становится на свои места, "белых пятен" более не существует, временная связь полностью восстановлена.

В заключение необходимо напомнить, что вторая, а затем и третья свадьбы, еще в большей степени, чем первая, нарушают "Уложение о наказаниях". И в данном случае выдерживается симметрия: три вершины треугольника, три свадьбы, три нарушения закона. В соответствии с законодательством тех лет два последних нарушения наказывались весьма сурово. В "Уложениях о наказаниях" 1845 и 1857 гг. говорилось: "Кто из лиц Христианской веры, состоящих в брачном союзе, вступит в новый брак при существовании прежнего, тот подвергается за сие: лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житие в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до трех лет"⁹.

В ситуации романа "Что делать?" происходящее не приносит никому никакого зла, приводит к всеобщему счастью. Незапрещимый любовный "треугольник", когда нет выхода и все несчастны, превращается в квадрат из двух счастливых пар. Но потенциально "простые" решения Чернышевского вели к выводам, весьма далеким от идиллии. Категория времени же, позволяла обосновывать такие решения, играя существенную роль в структуре романа. Она являлась важным средством раскрытия, а иногда и маскировки, этической концепции Чернышевского, основанной на теории "разумного эгоизма".

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975. С. 14. В дальнейшем сноски на это издание даются в скобках в тексте.

² Герцен, Тургенев, Ж. Санд, Ш. Бронте, Л. Фейербах, Ш.Фурье и др.

³ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959. Т. II. С. 68-69.

⁴ Любопытно, что Ольга Сократовна, жена Чернышевского, родилась примерно в это время, 15 марта.

⁵ См. мою статью "Два упоминания о Макиавелли" // Уч. зап. Тарт. ун-та. 1986. Вып. 683.

⁶ В ломаных скобках отмечены числа и дни недели, которые прямо не обозначены, но могут быть легко вычислены на основании других упоминаний.

⁷ См. "Уложение о наказаниях уголовных и исправительных". Спб., 1845. Статьи 2040, 2057, 2043, 2044, 2045. В "Уложении о наказаниях" 1857 г. соответственно статьи 2118, 2135, 2147. По Своду законов гражданских статьи 26, 27, 28, 6, 32. Свод законов Российской империи. Изд. 1857. Т. 10, 15. См. также комментарий к роману "Что делать?". Цитир. изд. С.841. В последнем допущена небольшая неточность: статьи 2043 и 2044 предусматривали приводимое в комментариях наказание в "отягчающих" случаях, когда применялось насилие или обман по отношению к одному из вступающих в брак, чего в описанной Чернышевским ситуации не было.

⁸ Н.Г. Чернышевский. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 426.

⁹ "Уложение о наказаниях" 1845 г., статья 2045. В "Уложении о наказаниях" 1857 г., статья 2123.